

Ся Минчи размышлял: вероятно, снотворное было подмешано в кофе. Когда Чэнь Лин выпила его и впала в беспамятство, убийца вскрыл ей вены на запястьях, инсценировав самоубийство. Впрочем, даже если бы она отказалась от той чашки, преступник нашел бы другой способ погубить её.

Чжао Цзюй погрузилась в раздумья:

— После вашей смерти Цзян Тань распродал большую часть ваших картин по баснословным ценам, что принесло ему громкую славу, но сразу после этого он объявил, что больше не возьмется за кисть. Те картины выставались перед аукционами, я ходила смотреть — это же ваши работы! Как такой ничтожный человек мог создать столь потрясающие произведения?

— Я всегда говорила, что вы не могли совершить самоубийство, здесь явно скрыта какая-то тайна. А У Сяо в школе распускал грязные слухи, нес всякую чушь!

Услышав имя У Сяо, Чэнь Лин с горечью покачала головой:

— Я искренне относилась к каждому своему ученику, но не ожидала, что они отплатят мне такой монетой. Тогда я жила в комнатке рядом с мастерской, а У Сяо установил камеру в розетке, чтобы подглядывать за мной... Он был ещё старшеклассником, и я, заботясь о его будущем, решила не давать делу ход. Кто бы мог подумать, что даже после смерти мне придется терпеть его клевету! Поэтому я отрезала ему половину языка — в качестве урока.

Так вот оно что. Язык У Сяо был отрезан госпожой Чэнь, неудивительно, что его так и не смогли найти.

— Я скиталась по миру, полная обиды, пытаюсь найти Цзян Таня и выяснить, что же произошло на самом деле. Но он нанял мага, который заточил меня в картине. И вот я там уже восемь лет...

Чжао Цзюй молча слушала, и, как ни старалась она сдержать эмоции, слезы покатались по её щекам. Она знала, что Чэнь Лин была заперта в холсте восемь лет, но для самой учительницы это было бесконечное, беспросветное заточение. Должно быть, это было ужасно отчаянно и одиноко.

— Добрая девочка, не плачь... — Чэнь Лин никогда раньше не видела Чжао Цзюй такой и невольно прониклась сочувствием. В её памяти Чжао Цзюй осталась упрямой и сильной духом девушкой.

— Только благодаря твоей тоске я смогла почувствовать связь и через эту привязанность прийти к тебе в сон просить о помощи, — проговорила Чэнь Лин.

Чжао Цзюй открыла дверь в другую комнату, где стояла поминальная табличка Чэнь Лин, а под ней — небольшая коробочка. Девушка открыла её: внутри лежал кашемировый шарф.

Чэнь Лин улыбнулась, и её голос стал бесконечно мягким:

— Ты до сих пор его хранишь.

— Конечно. Той зимой я уходила из мастерской последней, было так холодно, что вы окликнули меня и укутали своим шарфом...

Чэнь Лин протянула руку, но полупрозрачное тело не могло коснуться Чжао Цзюй. Она понимала, что осталась в мире живых лишь на время и в конце концов уйдет навсегда.

— Пока ты помнишь обо мне, учитель всегда будет рядом, — утешила она девушку.

Ся Минчи, прижавшись к груди Шэнь Тина, не мешал учителю и ученице предаваться воспоминаниям. Он думал: раз Чэнь Лин найдена, будут ли другие задания, помимо бесконечной возни со старым охранником в Корпусе №4?

Взгляд Чэнь Лин снова стал холодным:

— У Сяо и Цзян Тань за эти годы тоже хлебнули лиха, не так ли?

— У Сяо сейчас полуживой, а Цзян Тань каждую ночь ведет себя как кошка, — ответила Чжао Цзюй.

— С Цзян Танем такое происходит, потому что в него вселился Линдан. Мне нужно, чтобы они оба извинились, чтобы их раскаяние развеяло мою обиду. Ты поможешь мне?

Чжао Цзюй не раздумывая ответила:

— Я готова!

Ся Минчи, конечно, понимал, что это задание от NPC, и тоже выпустил когти:

— Мяу!

Чэнь Лин с нежностью посмотрела на кота и сказала Шэнь Тину:

— Твой кот такой же умный и милый, как мой Линдан.

Начинало светать. Чэнь Лин дала наставление:

— Нанесите масляную краску с этой картины себе на руки, тогда скульптуры, созданные У Сяо, и сам Цзян Тань не посмеют к вам приближаться.

— Но ведь тогда картина учителя будет испорчена? — засомневалась Чжао Цзюй.

— Глупышка, — улыбнулась Чэнь Лин, — для меня вы всегда важнее, чем любая картина.

Шэнь Тин наконец вспомнил о важном вопросе:

— Госпожа Чэнь, вы знаете, где находится Корпус №4? Ходят легенды, что вы забрали его с собой после смерти.

— И ты веришь в такие нелепые слухи? — Чэнь Лин мягко рассмеялась.

— Все так говорят, — возразила Чжао Цзюй, — хотя я помню, что, когда произошла трагедия, у зданий в Арт-парке ещё не было номеров.

— У четырех зданий? Охранник же ясно сказал, что их пять, и велел обойти каждое.

Чэнь Лин была непреклонна:

— В самом начале, когда Арт-пространство только открылось, зданий было всего четыре.

Глава 15: Любопытство сгубило кошку

Ся Минчи подумал: возможно, под словом здание охранник имел в виду не огромные строения, а что-то, связанное с цифрой четыре... Он вроде бы видел это после входа в игру, но сейчас не мог вспомнить.

Задания на эту ночь закончились. Не получив от Чэнь Лин желаемых ответов, Шэнь Тин вернулся в студию досыпать, но едва задремал на диване, как был разбужен шумом снаружи. Через занавеску он увидел, что Цзян Тань трясет старого охранника перед вторым корпусом.

Разве он не ведет ночной образ жизни? Почему он сейчас в сознании? Ся Минчи был озадачен.

У Цзян Таня под глазами залегли темные круги, он был небрит, а его одежда, разорванная скульптурами, так и не была сменена.

Охранник не удержался от колкости:

— Господин Цзян, почему вы в таком жалком виде?

Цзян Тань огрызнулся:

— У меня в доме вор, что-то украли! Здесь, в Арт-пространстве, связь ужасная, с мобильного в полицию не позвонить, давай быстро проверяй записи с камер, звони в участок с рабочего телефона!

Старый охранник, не отрываясь от телефона в руках, мельком взглянул на Цзян Таня и снова уставился в экран, делая ход в игре.

— И что именно у вас пропало?

Цзян Тань взъерошил волосы:

— Чучело кошки и картина.

— И всё? — охранник сделал ещё один ход, явно не придавая краже никакого значения.

Цзян Тань пришел в ярость:

— Ты что имеешь в виду? Мало, по-твоему? Одна только картина стоит семизначную сумму,

деревенщина!

Охранник не хотел ссориться с Цзян Танем, но и работать не желал, поэтому начал увиливать:

— Я человек простой, не мне судить. Но не могло ли так быть, что вы перебрали с алкоголем и просто забыли, куда положили вещи?

— Невозможно! Картина вчера днем ещё стояла у стены, а чучело лежало на столике! А сегодня утром их нет! Я требую проверить записи!

Охраннику пришлось уступить, и он повел Цзян Таня в будку охраны. Шэнь Тин, воспользовавшись тем, что они ушли, постучал в дверь Чжао Цзюй и вошел вместе с котом.

— Цзян Тань обнаружил пропажу и заставил охранника проверять камеры, — сообщил Шэнь Тин.

Чжао Цзюй оставалась спокойной:

— Не волнуйся, ничего он не найдет. Все камеры здесь — просто бутафория. Так было восемь лет назад, так осталось и сейчас.

— Мяу? — Ся Минчи удивился: неужели так бывает?

Чжао Цзюй пояснила:

— После того случая с учителем я ходила в полицию, мы вместе с офицерами пытались посмотреть записи, но система была неисправна. Вроде бы должны были починить, но по какой-то причине этого так и не сделали. С тех пор Арт-пространство словно проклято. Другие студии съехали, но Цзян Тань остался, У Сяо приехал после университета, потом я, Лу Жэньюань, а последним — ты. До твоего прихода я заметила, что только я и Лу Жэньюань можем свободно покидать территорию, а Цзян, У и охранник — нет.

Неужели это потому, что Цзян и У причинили вред Чэнь Лин? И её обида создала здесь своего рода барьер. Но почему старый охранник тоже не может уйти? Ся Минчи внезапно вспомнил, что охранник постоянно повторяет одну и ту же партию в игре и застрял в 11:45. Может, это связано со смертью Чэнь Лин?

— Мы платим аренду, а вы спускаете всё в трубу! Часть вашей управляющей компании принадлежит моей семье! И что в итоге? Камеры сломаны и их никто не чинит! И этот чертов телефон в будке тоже не работает! Что это значит? Мы здесь в изоляции от всего мира?! — Цзян Тань, не найдя в будке ничего полезного, вернулся и теперь бесновался, как бешеная собака.

Охранник усмехнулся с намеком:

— Господин Цзян, камеры сломались ещё восемь лет назад. Если мне не изменяет память, тогда вы реагировали совсем иначе... даже говорили, что так оно и к лучшему.

Цзян Тань словно подавился: он мгновенно замолчал.

У Сяо, наблюдавший за сценой из окна, при виде Цзян Таня поспешно задернул шторы. Цзян Тань заметил это, остановился у его двери, и охранник, которого он тащил за собой, едва не упал в своей помятой униформе.

В голове Цзян Таня созрел план.

— Арт-пространство закрыто, чужаки сюда почти не заходят, значит, пропажа связана с кем-то из своих... — пробормотал он.

Охранник не понял:

— В смысле? — он просто хотел, чтобы этот мажор отстал и дал ему спокойно доиграть.

Цзян Тань, стоя во дворе у У Сяо, громко крикнул:

— Я подозреваю, что кто-то из вас украл мои вещи! Советую вернуть по-хорошему, иначе, если я найду вора, я его прибью!

Шэнь Тин и Чжао Цзюй молча наблюдали за представлением.

— Бах! — Цзян Тань выбил ногой дверь У Сяо и втащил того наружу. У Сяо и без того был болезненно худым, а от анемии казалось, что он вот-вот упадет в обморок.

Цзян Тань схватил его за воротник и прорычал:

— Говори! Это ты украл?!

У Сяо, бледный как полотно, дрожал, словно напуганный цыпленок:

— Я... я... нет...

— Врешь! Тогда почему ты так прячешься?! — от запаха перегара У Сяо замутило.

Ся Минчи заметил, что Цзян Тань упоминает только пропажу вещей, но не говорит о нападении скульптур. Значит, его дневная и ночная «кошачья» личности разделены: днем он не помнит, что творил ночью.

— Разве он не всегда такой? — Чжао Цзюй вышла из комнаты, спрятав в рукавах руки, испачканные краской.

Шэнь Тин не успел её удержать, лишь прикрыл свои руки одеждой и последовал за ней. Идея использовать скульптуры, чтобы утащить Цзян Таня подальше, принадлежала Чжао Цзюй; она боялась, что У Сяо не выдержит давления и во всем признается.

— Ха, — Цзян Тань разжал руки, и У Сяо куклой повалился на землю. — Дрянь, я обыщу мастерскую У Сяо, а потом доберусь до тебя. Никто из вас не уйдет!

— Какое право ты имеешь обыскивать наши вещи? Это нарушение права собственности! — крикнул Шэнь Тин, прячась за спину Чжао Цзюй.

— Детка, ты здесь новенький? Не знаешь, что семья Цзян держит в руках половину этого города?

Нельзя позволить ему обыскать комнату Чжао Цзюй. Но если он будет настаивать, придется спрятать картину и чучело в другом месте. С чучелом проще, но картина слишком велика. Ся Минчи подумал: можно вырезать холст из рамы, сжечь дерево, а полотно и чучело закопать в укромном углу двора.

— Все твои слова только что были записаны, — Лу Жэньюань наконец вышел из пятого корпуса. Похоже, он всегда появлялся в самый последний момент.

Он держал телефон между длинных пальцев и слегка покачивал им.

— Думаешь, я тебя испугаюсь? Торговец чаем вонючий! — Цзян Тань вспомнил давление, которое исходило от Лу Жэньюаня в студии Шэнь Тина, и его пробрала дрожь. Но он продолжал упрямиться.

— Ты не боишься, — Лу Жэньюань медленно подошел ближе. В своем китайском халате он выглядел утонченно и благородно. — Я действительно торгую чаем, но не вонючим. Не веришь — спроси... его! — он указал на кота на руках у Шэнь Тина.

Ся Минчи: «Мяу-мяу-мяу? Какое мне дело?»

Лу Жэньюань:

— Я с ним спал, даже котенок чувствует, что от меня пахнет чаем.

Шэнь Тин: ...

Чжао Цзюй: ...

У Сяо: ???

— Ты, мать твою, жить надоело... — Цзян Тань почувствовал себя оскорбленным и, стиснув зубы, ударил Лу Жэньюаня в лицо. Поскольку он был ниже ростом, удар пришелся снизу вверх.

Шэнь Тин испуганно закрыл глаза, Чжао Цзюй тоже заволновалась — только не убийство.

Но Лу Жэньюань легко перехватил кулак Цзян Таня одной рукой, а другую заложил за спину. Он стоял неподвижно, прямой как сосна. Цзян Тань пытался выдернуть руку, но она была зажата как в тисках.

— Ха-ха, забавно... — усмехнулся Лу Жэньюань. Его манеры были мягкими, он совсем не казался драчуном, но силы в нем было больше, чем в Цзян Тане. В уголках губ играла улыбка, а в черных глазах читалась насмешка.

— А-а-а! Больно, больно! — лицо Цзян Таня покраснело, он завопил, не заботясь о достоинстве, и, казалось, вот-вот заплачет. Он наконец осознал, насколько опасен Лу Жэньюань.

— Хрусть... — в воздухе раздался тихий звук, похожий на треск костей.

— А-а-а! — Цзян Тань почувствовал пронзительную боль, вены на лбу вздулись, он покрылся холодным потом и был близок к обмороку.

Лу Жэньюань прочистил горло:

— Позвольте уточнить. Я сказал, что записал диалог, но имел в виду не вас, молодой господин Цзян, а дядюшку-охранника.

— Я? — охранник растерялся и убрал телефон. — А я при чем?

— Ты потакаешь Цзян Таню, позволяя ему рыться в наших вещах. Арт-пространство скоро будет расформировано. Когда все съедут, я передам запись вашей компании, и тебя оставят здесь одного — навсегда. Как тебе такое?

Ся Минчи: «Вот это удар по больному!»

Цзян Тань был непробиваем, угрозы на него не действовали. Но у охранника была слабость — он не хотел оставаться здесь навечно. Застрять в одной точке времени, играть в одну и ту же игру — любой сойдет с ума.

Охранник помолчал несколько секунд, затем сурово сказал Цзян Таню:

— Ты слышал? У тебя нет права обыскивать чужие комнаты. Если ещё раз сунешься, я свяжу тебя стяжками. Не веришь — попробуй.

— Ты... — Цзян Тань задохнулся от ярости, но рука Лу Жэньюаня сжалась ещё сильнее.

— Слышал? — спросил Лу Жэньюань.

— Слышал, слышал!!! — Цзян Тань чувствовал, что его кисть сейчас превратится в фарш.

Лу Жэньюань отпустил его, и Цзян Тань, спотыкаясь, сбежал в свою студию.

Шэнь Тин поспешил к нему:

— Спасибо вам огромное! Вы снова нас выручили.

— Пустяки, — улыбнулся Лу Жэньюань, бросив мимолетный взгляд на Ся Минчи. — Терпеть не могу, когда обижают милых людей и кошек.

Ся Минчи был озадачен; ему показалось, что Лу Жэньюань знает, кто он такой. Тогда кто же такой сам Лу Жэньюань? До сих пор он не был замешан в делах Чэнь Лин, словно случайный прохожий. Неужели он тоже «добыча», просто из другой группы, и у него иные задачи?

Ся Минчи подумал о более сложной версии: в своем подземелье он — добыча, но в подземелье

Лу Жэньюаня он — NPC, которого нужно «окучить» для получения очков или предметов.

— Ты сказал, что Арт-пространство скоро расформируют. Это правда? — спросила Чжао Цзюй.

Лу Жэньюань улыбнулся:

— Я наврал охраннику, иначе как заставить его помочь мне остановить Цзян Таня?

Чжао Цзюй была разочарована. Переглянувшись с Шэнь Тином, девушки ушли.

Наступила ночь. У Сяо, как и договаривались, постучал в дверь третьего корпуса.

Глава 16: Любопытство сгубило кошку

— Я... я пришел, — У Сяо робко вошел в комнату Чжао Цзюй.

Из-за хронического заикания он стал ещё более неуверенным, не смел смотреть людям в глаза, лишь уставился в пол. У Сяо выглядел очень нервным. Ся Минчи заметил, что он стал ещё худее: щеки ввалились, скулы выпирают, глаза выпучены.

Чжао Цзюй вынесла картину и тихо сказала:

— Учитель, У Сяо пришел.

У нижнего края холста, там, где были пятна крови, вспыхнул ослепительно белый свет. Свет немного померк, и показался прекрасный женский силуэт.

Чэнь Лин медленно открыла глаза:

— У Сяо.

Её голос был ледяным, лишенным эмоций — совсем не таким, как при разговоре с Чжао Цзюй.

У Сяо затрясся всем телом, заставил себя поднять голову, и, узнав Чэнь Лин, от страха рухнул на пол.

— Госпожа... госпожа Чэнь...

Чэнь Лин усмехнулась:

— Когда ты распускал обо мне грязные слухи в школе, наверное, не думал, что мы ещё встретимся. Ты ведь думал, что я умерла. Не знаю, есть ли боги на небесах, но знаю точно: если делаешь зло, рано или поздно встретишь призрака.

— П-простите! Госпожа Чэнь! Я правда прошу прощения! — У Сяо, лежа на полу, начал неистово биться головой об пол перед картиной. Раз, другой. Он бил так сильно, что вскоре лоб разбил в кровь.

— Когда ты подглядывал за мной в комнатке у мастерской, я решила не наказывать тебя,

потому что ты был ещё ребенком. А потом, когда я умерла, ты начал трепать в школе, будто я была беременна от богача, и, не добившись своего, покончила с собой, чтобы шантажировать его... Я просто хочу знать, почему ты так меня ненавидел?!

Голос Чэнь Лин был полон гнева, но даже сейчас она сохраняла достоинство, подобающее учителю. У Сяо, распростертый на полу, обливался холодным потом, его мозг был пуст, а тело дрожало, как осиновый лист.

Чжао Цзюй нетерпеливо подтолкнула его:

— Говори же!

В глазах Чжао Цзюй Чэнь Лин была идеалом — и как человек, и как художник. Когда много лет назад У Сяо распускал слухи, Чжао Цзюй пыталась спорить, но У Сяо был красноречив:

— Тебя просто одурачили, за красивой внешностью скрывается гниль! Я сам видел, как какой-то мужик обнимал нашу учительницу, — парень закидывал ногу на ногу и вещал с такой уверенностью. — А она — ломалась, жеманилась, как только видела мужчину, у неё ноги подкашивались! Ха-ха-ха!

Сейчас У Сяо заикался, его речь была невнятной. Но то, что он говорил тогда, было настолько мерзким, что Ся Минчи счел его нынешнее состояние заслуженной карой.

— Я... я хотел учиться живописи, а госпожа Чэнь сказала моим родителям, чтобы мне не позволяли... — пробормотал У Сяо. — Учитель никогда меня не хвалила. Я... я думал, хоть что-то во мне должно быть хорошего... Вы просто боялись, что я выберу эту профессию и отберу у вас кусок хлеба. И ещё... я подглядывал за вами, а вы... вы только притворялись, что простили, а на самом деле использовали уроки, чтобы мстить мне.

Спустя столько лет У Сяо наконец выложил правду о том, почему клеветал на Чэнь Лин.

<http://bllate.org/book/19766/1947033>